

А.А. Фет в кругу писателей-современников

Над презентацией работал

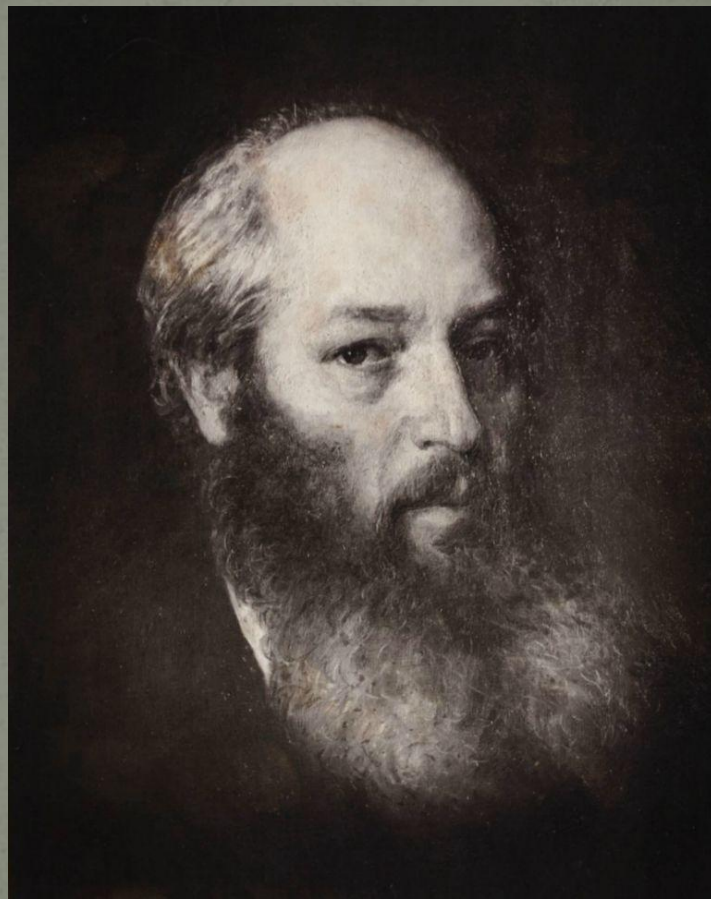
Королев Михаил;

ДКД – 102

Кто такой А.А. Фет.

Афанасий Фет (1820 — 1892) — выдающийся русский поэт и переводчик, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

Один из самых утонченных лириков XIX века, он одновременно был чрезвычайно деловым человеком: сначала действующим гвардейским офицером, а после выхода в отставку — хозяйственным помещиком. В 1867 году Фет даже избирался мировым судьей. Эта «двойственность» характера поэта удивляла его современников, часто не давая по достоинству оценить его творчество.

Реакция писателей-современников на поэзию А.А.Фета

В 60-е годы Фет оказался в центре споров о назначении поэзии. Недаром Достоевский в своей полемической статье «Р.-бов и вопрос об искусстве» в качестве примера «чистой поэзии» приводит ставшее одиозным из-за издевок критиков стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье...». Не случайно В. Боткин первую часть статьи «Стихотворения А. А. Фета» посвящает разъяснению и утверждению своих идей о назначении поэзии.

В оценке творчества Фета проявились полярные точки зрения. «Фет — поэт единственный в своем роде, не имеющий равного себе ни в одной литературе, и он намного выше своего времени, не умеющего его оценить» — так писал А. К. Толстой (письмо Б. Марковичу, 8 июня 1863 г.). Но не один А. К. Толстой так считал, Фета высоко ценили и Тургенев, и Достоевский, и Л. Толстой, и А. Григорьев, и В. Боткин, и А. Дружинин. Последний писал в 1856 году: «Подобной высокой, безграничной, волшебной, изумительной поэзии надо поискать и поискать во всех европейских литературах... поэт нов и оригинален, муза его глубока и по временам туманна. Над многими стихотворениями Фета надо будет задуматься — тем самым эти стихотворения и прекрасны» («Стихотворения А. А. Фета»).

«Фет был поэтом вполне и до конца; и потому — прославлять его значит тоже, что прославлять поэзию. И, наоборот: для понимания тайны поэтического творчества он такой живой и ясный пример, какого другого не найти. Он сам, конечно, хорошо сознавал, что носит в себе эту тайну, и часто выражал ее очень странными речами. Он говорил, что поэзия и действительность не имеют между собою ничего общего, что как человек он — одно дело, а как поэт — другое. По своей любви к резким и парадоксальным выражениям, которыми постоянно блестел его разговор, он доводил эту мысль даже до всей ее крайности; он говорил, что поэзия есть ложь и что поэт, который с первого же слова не начинает лгать без оглядки, — никуда не годится.

Люди, всею душою погруженные в действительность, твердо в нее верящие и постоянно хватающиеся за нее всеми возможными способами, должны прийти в великий соблазн от таких речей. „Чем хвалится, безумец!“» Писал Николай Страхов, философ и публицист.

Для демократической критики стихотворения Фета — образец безмыслия, пустоты, бессодержательности. Даже Щедрин, который начинает свою рецензию на книгу Фета с признания, что «большая половина его стихотворений Дышит самою искреннею свежестью, а романсы его распевает чуть ли не вся Россия», пишет о поэзии Фета в презрительно-ироническом тоне. Щедрин укоряет Фета в недомыслии; и в отсутствии серьезных общественных мотивов.

Демократическая критика формирует в общественном сознании представление о Фете как о поэте, далеком от жизни, пустом, бессодержательном, творчество которого доказывает несостоятельность идеи «чистого искусства».

Отношение к Фету, сложившееся в демократической критике в 60-е годы прошлого века, давало себя знать и в советское время. В течение многих десятилетий его поэзии отводилось место где-то на задворках литературы, ведь в ней не было того, что только и ценилось в литературе — гражданского пафоса, дидактизма, «активной жизненной позиции». В программе преподавания литературы для средней школы 1965 года нет ни Фета, ни Тютчева. В школьном учебнике по русской литературе Д. Я. Зерчанинова и А. А. Райхина (М., 1964) о Фете говорится, что «ему были чужды душевные бури и тревоги», что «между вольнолюбивой поэзией друга декабристов Пушкина, чей «неподкупный голос» «был эхом русского народа», и оторванной от жизни поэзией Фета — непроходимая пропасть».

Даже в книге К. Чуковского «Мастерство Некрасова» (1952) Фет причисляется к «ликующим, праздно болтающим», потому что у него, «как у всех пассажиров привилегированного первого класса, представление о железной дороге связано... с представлением о барском комфорте». К. Чуковский пишет так, чтобы подчеркнуть значение некрасовской «Железной дороги», стихотворения действительно замечательного. Но для этого не требовалось прибегать к столь натянутым, неправомерным сопоставлениям, впрочем, весьма характерным, ставшим расхожими в ту пору.

Самым непримиримым борцом против «чистого искусства» был Д. Писарев, он занимал крайнюю позицию в отношении поэзии Фета, которую называл «миндальным печеньем» («Московские мыслители», 1864г.). «Никто, конечно, не упрекнет гг. Фета, Мея и Полонского в том, что они были глубокие мыслители, — иронизирует Писарев. — ...Им доступны только треволения их собственного узенького психического мира; как дрогнуло сердце при взгляде на такую-то женщину, как сделалось грустно при такой-то разлуке... все это выходит иногда очень мило, только уж больно мелко— кому до этого дело и кому охота вооружаться терпением и микроскопом, чтобы сразу несколько десятков стихотворений следить за тем, каким манером любит свою возлюбленную г. Фет... поучитесь-ка получше, гг. лирики, почитайте да подумайте! Ведь нельзя, называя себя русским поэтом, не знать того, что наша эпоха занята интересами, идеями, вопросами гораздо пошире и поважнее ваших любовных походов и нежных чувствований» («Писемский, Тургенев и Гончаров», 1861 г.).

Со временем нападки Писарева на Фета становятся все более резкими и оскорбительными. В 1864 году он пишет, что стихи Фета могут пригодиться разве что «для склеивания под обои и для завертывания сальных свечей, мешерского сыра и копченой рыбы. Г. Фет унижится таким образом до того, что в первый раз станет приносить своими произведениями некоторую долю практической пользы».

Некрасов, в отличие от Писарева, высоко оценивал поэзию Фета. В 1854 году (до прихода в журнал «Современник» Чернышевского и Добролюбова) он писал: «...У нас есть г. Фет, поэт с дарованием в высшей степени самобытным и симпатичным. Что-то сильное и свежее, чисто поэтическое, без всяких посторонних примесей, ярко пробивается во всем, что создает его талант»

Д.И.Писарев

Лев Толстой обратил внимание на стихи Фета еще в 50-е годы. Прочитав стихотворение «Еще майская ночь», он писал Боткину: «Прелестно! И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов».

В 60—70-е годы Толстой и Фет активно переписывались, Толстой восторженно отзывался о многих стихотворениях Фета («После бури», «В дымке-невидимке...», «Среди звезд»). Живой взаимный интерес к творчеству друг друга свидетельствует о том, что у них было немало общего.

Дальнейшая судьба поэтического наследия Фета подтвердила правоту тех современников поэта, которые высоко оценивали его стихи, его талант, — правоту Л. Толстого, Достоевского, А. Григорьева, В. Боткина, А. Дружинина, А. К. Толстого.

В XX веке внимание и интерес к поэзии Фета возрастают, творчество его не только пользуется популярностью у читателей, но и оказывает большое влияние на поэтов. В. Соловьев посвящает Фету два стихотворения. А. Блок в предисловии к сборнику «За гранью прошлых дней» (1919 г.) пишет: «Заглавие книжки заимствовано из стихов Фета, которые некогда были для меня путевой звездой». В «Наброске статьи о русской поэзии» А. Блока (Дневник, 1901—1902 гг.) говорится: «Мы даже не задаемся целью описать всего Фета. Это значило бы — желать исчерпать неисчерпаемое... Мы можем схватить одно излюбленное, давно грезящееся. К такому относится, среди другого, стихотворение «О, не зови», содержащее в себе несметные откровения».

И мы, пережившие общественные «землетрясения», как и лиссабонцы из притчи Достоевского, испытываем сегодня острую потребность в поэзии Фета, способны оценить ее неувядающие достоинства. Это поэзия, очищающая души, гармонизирующая внутренний мир человека.